Мкртычян С. В.

КАТЕГОРИЯ СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-127. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

задор, энергия, энтузиазм - все это не только умножало число почитателей ученого, но и увеличивало ряды его оппонентов.

Идеологические и религиозные противоречия, обострившиеся во Франции в период 40-е - 70-е гг. XVI в., также мало способствовали популяризации идей ученого, подозреваемого в симпатиях протестантизму. Так, в марте 1544 г. по указу Франциска I (одного из самых просвещенных монархов Франции) философские книги Рамуса подверглись публичному сожжению. В силу неблагонадежности автора его работы по языку во Франции не переиздавались (в отличие, к примеру, от работ Ж. Пилло, Р. Этьена или А. Коши); известны лишь переиздания его трактата по латинскому языку [Sholae Grammaticae 1559], опубликованной в 1581 г. у А. Вешеля и французской грамматики 1572 г., опубликованной в типографии Ж. Дю Валя в 1587 г. Варфоломеевская ночь, одной из жертв которой пал Рамус, и последовавшая за ней череда религиозных войн привели к тому, что его идеи во Франции вплоть до Нантского эдикта были под запретом. А в связи с тем, что в конце XVI-начале XVII в. французская лингвистическая традиция вступила в новую фазу своего развития, для которой актуальность приобрели другие проблемы, идеи новатора-грамматиста оказались надолго забыты.

Список использованной литературы

1. **Кацнельсон С. Д.** Предисловие // История лингвистических учений. Древний мир. - М.-Л., 1980. - С. 5-8.
2. **Ору С.** История. Эпистемология. Язык. - М., 2000. - 406 с.
3. **Тимонина А. П.** Первые французские грамматики и их роль в кодификации норм общефранцузского письменно-литературного языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. - М., 1980. - 12 с.
4. **Auroux S.** Histoire des idées linguistiques. - P., 1992.
5. **Bahner W.** Theoretische und methodologische Aspecte in der Historiographie des Sprachwissenschaft // Dt. Ztschr. Für Philosophie. - Berlin, 1981. - Jg. 29. - H. 11. - S. 1281-1293.
6. **Bement N. S.** Petrus Ramus and the Beginning of Formal French Grammar // Romanic Review. – 1928. - Vol. XIX. - № 4. - Pp. 309-323.
7. **Chevalier J.-Cl.** La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750): Thèse. - Genève, 1968. - 776 p.
8. **Dumont-Demaizière C.** Les grammaires françaises au XVI-e siècle: Les grammairiens picards: Thèse. - P., 1983. – VIII. - 1096 p.
9. **Kukenheim L.** Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance: Thèse. - Amsterdam, 1932. - 215 p.
10. **Mounin G.** Histoire de la linguistique dès origines au XX-e siècle. - P., 1967. - 189 p.

Список использованных источников

1. **Ramus Petrus.** Grammatica (1559). - Parisiis, apud A. Wechelum, 1564. - 63 p.
2. **Ramus Petrus.** Grammatica Graeca (1559). - Parisiis, apud A. Wechelum, 1562. - 111 p.
3. **Petrus Ramus.** Grammaire (1572). - Paris, chez D.du Val, 1587. - 232 p.
4. **Ramus Petrus.** Scholae grammaticae. - Parisiis, apud Ch. Wechelum, 1559. - 346 p.
5. **Ramus Petrus.** Scholae grammaticae (1559). - Parisiis, apud Ch. Wechelum, 1581. - 358 p.

КАТЕГОРИЯ СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Мкртычян С. В.
Военная академия воздушно-космической обороны

В русле современной антропоцентрической научной парадигмы (под термином «научная парадигма» мы понимаем методологию научного исследования) акцент исследовательских интересов сместился с изучения языка как системы знаков на детальное комплексное изучение человеческого общения, коммуникативного взаимодействия индивидуумов с учетом различных составляющих (лингвистической, психологической, социальной, этноспецифической), что нашло отражение с многочисленных трудах Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, М. Л. Макарова, Ю. Г. Прохорова, А. А. Романова, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Ю. А. Сорокина, И. П. Сусова, С. А. Сухих и целого ряда зарубежных ученых. Активное и продуктивное развитие современных направлений лингвистики (прагматики, риторики, когнитологии, психолингвистики и др.) стимулирует разрешение целого ряда вопросов, находящихся в ведении стилистики, которая, будучи по сути инкорпорированной в каждое из этих направлений, оказывается в состоянии стагнации как самостоятельное лингвистической направление. Нельзя не согласить с О. Г. Ревзиной, в том что, на первый взгляд, стилистика «осталась индифферентной и к смене научной парадигмы - лингвистике» [Ревзина 2004: 11-12]. Между тем стиль - это «не только научный термин, но и один из ключевых культурных концептов. В этом качестве представление о стиле - достояние общеязыкового, общенационального культурного сознания» [Ревзина 2004: 12]. Стиль - упаковка смысла, результат творческого использования языка. Стиль всегда альтернативен. На стиле нельзя говорить, но стилем можно пользоваться. Широкое понимание стиля как манеры, характеризующейся комплексом типических признаков, дает возможность рассматривать эту категорию многосторонне.

В русистике традиционно стиль понимается как «функциональный стиль» (по В. В. Виноградову). В трактовке В. В. Виноградова, функциональный стиль отождествляется с «разновидностью литературного

языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей» [ЛЭС 1990: 494]. Такой подход восходит к концепции Ш. Балли, согласно которой в языке сосуществуют многочисленные синонимические формы и их ряды, один из последних представляет собой «нейтральный фон», а другие отличаются той или иной дополнительной окраской.

С понятием *стиль* традиционного соположимо понятие *речевой жанр*. В жанроведении до сих пор остается отрытым вопрос о том, каково соотношение стилей языка/речи и жанров. О полевой структурной организации системы стилей рассуждает М. Н. Кожина: «Специфика каждого функционального стиля соотносится с узким кругом центральных подстилей и жанров, в наиболее чистом виде и наиболее полно представляющих эту специфику как лингвистическое воплощение влияния на речь прежде всего базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов <…> Дальше от центра (на пути к периферии) находятся подстили и жанры, отражающие помимо базовых и другие экстралингвистические факторы; тем самым к основным стилевым чертам добавляются другие, обусловленные дополнительными (кроме базовых) факторами» [Кожина 1999: 290]. Дальнейшие рассуждения приводят к мысли, что каждый стиль имеет свой набор жанров, которые, в свою очередь, также организованы по принципу полевой структуры. Классификация речевых жанров и параметры их описания диффузны, подвижны и имеют дискуссионный лингвистический статус. По этой причине в достаточной степени сомнительным представляется сама возможность жанровой регламентированности и упорядоченности устной деловой речи.

«Дрейф в сторону пологого берега либерального допущения расплывчатых границ языковых объектов» (И. П. Сусов) позволяет переосмысливать и расширять понятие *стиля*, дополняя его за счет использования наработок в области коммуникативной прагматики, конверсационного анализа, теории речевых актов, когнитологии.

Сакраментальный вопрос о соотношении формы и содержания приобретает новый регистр звучания у представителей динамического (или речеактного) подхода в изучении устного делового общения. Представление о речи как о виде деятельности [Выготский 1956], которая направлена на адресата для решения определенной коммуникативной задачи, позволяет наполнить понятие стиля категориями реального живого общения, которое мы предлагаем рассматривать как процесс синергетических взаимовоздействий. В этом смысле стиль характеризуется не только набором лексико-грамматических языковых средств, проявляющихся в поверхностной структуре текста, но и динамических дискурсивных единиц таких как, коммуникативная стратегия, речевая тактика, тактический ход и т.д. В соответствии с обозначенным пониманием стиля как типичной манеры коммуникативной деятельности считаем целесообразным использование понятия *коммуникативного стиля* (или стиля общения).

Стили общения подобно функциональным стилям коррелируют со сферами общения. В этом отношении можно говорить, например, о *стиле управленческого общения* как типичной манере коммуникативной деятельности руководителя, в которой реализуются стили руководства. В русле «гуманистического» подхода к руководству человеческими ресурсами, который в конце XX в. пришел на смену «технократичному» основным инструментом воздействия выступает речь. По этой причине основным критерием типологизации стилей управленческого общения полагаем целесообразным считать выбор доминирующих способов речевого воздействия на подчиненных.

Стиль управленческого общения - это функция от целого ряда переменных, взаимосвязанных и взаимообусловленных, таких, как стиль мышления руководителя, приоритетность одного из видов интеллекта, индивидуально-психологические личностные особенности руководителя и членов коллектива, специфика макросреды, характер производственной деятельности и др. При этом стили управленческого общения вполне отчетливо коррелируют со коммуникативными стратегиями, речевыми тактиками и тактическими ходами. Деятельностный подход к речи в «онтологии Выготского» позволяет наполнить традиционные дискурсивные единицы стилистическим объяснительным смыслом.

Так, в расширительном понимании коммуникативной стратегии как «типа поведения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Романов 1988: 103] чрезвычайно привлекательным представляется соотношение *тип поведения - стиль поведения (общения)*. Если первое (тип поведения) ближе к психологии и психологическим типам личностей, диагностируемым посредством наблюдения над поведением, то второе, бесспорно, находится в ведении лингвистики. Более того, тип коммуникативного поведения маркируется стилевыми коннотациями. Понимание языка как коннотативной системы сопрягается с другими когнитивными способностями человека. Например, реализация коммуникативной стратегии посредством речевых тактик и тактических ходов. Тактику возможно выделить с помощью «индикаторов», содержащихся в тактических ходах [Иссерс 1999: 137]. По всей видимости, коммуникативная стратегия, тактика и тактический ход соотносятся как «для чего», «что» и «как». Тактический уровень анализа является инструментальным, именно он находится в прямом ведении стилистики. Безусловно, инструментальный уровень тесно связан с интенциональным, который является верхней ступенью на «лестнице свободы» Р. О. Якобсона, постулирующего прямую зависимость свободы субъекта комбинировать элементы языка от уровня его реализации (от фонетического как самого связанного до относительно свободного синтаксического и выше).

Разработка типологии речевых тактик представляет собой развитие теории речевых актов, которая «не дает ответа на многие важные вопросы теории общения» [Кобозева 1986: 20-21]. К таким вопросам относят-

ся проблемы выявления связи между стратегической целью речевого взаимодействия и тактическими характеристиками речевых актов, описание средств реализации речевых актов в диалогической речи и др. Ответ на эти и многие другие вопросы, на наш взгляд можно получить, используя опыт традиционной стилистики, в частности стилистики функциональной. Ведь стиль - это человек, а функциональный стиль (в чистом виде) - это «ограниченный человек, когда у него ничего не остается, кроме заученных сценариев и социокультурной инерции» [Ревзина 2004: 20].

Формирование коммуникативной компетенции как основы эффективного общения предполагает «способность выходить за рамки функционального стиля» [Ревзина 2004: 11-12], ситуативно менять коммуникативно-стилевые регистры, что является признаком гибкости, творческого отношения к языку и полноценной эффективной языковой личности. Такой подход фокусирует внимание исследователей на стиле как перспективной инструментальной категории лингводидактики.

Список использованной литературы

1. **Выготский Л. С.** Избранные психологические исследования. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - 518 с.
2. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М: КомКнига, 2006. - 288 с.
3. **Кобозева И. М.** «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17. Теория речевых актов. - С. 19-32.
4. **Кожина М. Н.** Речевой жанр и речевой акт // Жанры речи 2. - Саратов: Колледж, 1999. - С. 52-61.
5. **Лингвистический энциклопедический словарь** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 685 с.
6. **Ревзина О. Г.** Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - Вып. 7. - С. 11-20.
7. **Романов А. А.** Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. - М.: ИЯ РАН, 1988. - 203 с.

СЕМАНТИКА РАЗДЕЛИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В АЛЬТЕРНАТИВНОМ ВОПРОСЕ

Невзорова С. В.
Щецинский университет

В грамматических трудах обычно выделяются два типа вопросительного предложения - общевопросительное и частновопросительное. В современных исследованиях в традиционную классификацию на уровне простого предложения включается третий тип - альтернативный. Простой альтернативный вопрос неоднократно подвергался анализу в ряде специальных работ. Альтернативный вопрос на уровне сложного предложения не являлся объектом пристального внимания лингвистов. По этой причине сведения о сложном альтернативном вопросе, представленные в научной литературе, являются разрозненными и противоречивыми. Этот факт объясняется тем, что описание сложносочиненного вопросительного предложения осуществлялось с позиций семантической классификации, а вопросительность рассматривалась как вторичный признак данной синтаксической единицы (см., напр., исследования Г. В. Валимовой, А. Ф. Кулагина, Е. В. Падучевой, Р. Я. Саакьян, В. З. Санникова). Попытки описания сложносочиненного предложения в соответствии с типом вопросительности были предприняты отечественными и зарубежными романистами на материале современного французского языка. Так, альтернативное вопросительное предложение рассматривается в работах П. П. Дав, В. И. Луева, Л. М. Минкина, значительное место анализу альтернативного вопроса отведено в трудах Б. де Корнюлье, некоторые наблюдения изложены в работах Ж. Жулен. Однако имеющиеся на сегодняшний день характеристики альтернативного вопросительного предложения оказываются не вполне удовлетворительными. В частности, разновидности разделительных отношений, возникающих между сочиняемыми компонентами альтернативного вопроса на уровне сложного предложения, не выявлены и не определены. Между тем, освещение этой проблемы имеет особое значение для синтаксиса анализируемого типа вопроса, для выделения его семантических подразрядов. В соответствии с изложенным, в настоящей статье предлагается характеристика всех типов разделительных отношений, возможных в сложном альтернативном вопросе в современном французском языке.

В синтаксических исследованиях сложный альтернативный вопрос понимается как последовательность вопросительных предложений, объединяемых посредством эксплицитно выраженной разделительной связи [де Корнюлье 1985: 135; Минкин 1974: 58]. Общеизвестно также, что сложносочиненное альтернативное предложение характеризуется наличием эксплицитно выраженной разделительной связи. Иными словами, в данной синтаксической единице возможен только один тип семантических отношений, а именно - разделительное отношение.

В грамматике разделительная связь обычно трактуется как связь двух и более компонентов, противопоставленных друг другу дизъюнктивно посредством эксплицитно или имплицитно представленного союза *или* и его вариантов. При изучении научной литературы обнаруживается, что вопрос о разновидностях разделительных отношений не имеет однозначного толкования. Количество и набор разновидностей разделительных отношений у разных исследователей не совпадает. Так, почти во всех грамматических описаниях русского языка традиционно различают два вида разделительных отношений: отношения взаимоисключения и отношения чередования. Это деление отражает одно из общих противопоставлений внутри разделитель-